

Тёмные дела совершаются в темноте

Ломэхонгва

К немногочисленным талантам Ломэхонгвы, бесспорно, относится то, что она неплохо плетёт ловцы снов. В монастыре для этого всё как-то нет случая, нет подходящего повода, и девушка успевает почти забыть о том, что этот талант у неё в копилке есть. А потом об этом почти случайно напоминает Эмиль, и Ломэхонгва вновь загорается тем, что да, это у неё выходит, и выходит хорошо. По просьбе Эмиля девушка плетёт ловец снов для его сестры, которой, в свою очередь, эта вещь нужна для кого-то другого, — и всё, дальше руки, вспомнившие знакомые движения, уже почти не остановить.

Ломэхонгва быстро решает для себя, что повод ей, в общем-то, и не нужен — она постепенно начинает заводить в монастыре новые знакомства, и в случае чего наверняка найдёт, кому бы подарить сплетённые в результате этого порыва ловцы. Девушка срезает несколько ивовых прутьев, находит несколько птичьих перьев, а также заимствует из коллекции мастеров горсть бусин. Ей, конечно, неудобно это делать, но, с другой стороны, мастера и сами щедро раздают эти бусины на мастер-классах, они, наверное, не обидятся, недосчитавшись их ещё немного. Последними Ломэхонгва берёт оленьи жилы, опять же из запасов мастеров, мысленно обещая самой себе, что при первой же возможности всё возместит и отработает. И ей кажется, будет уместно и правильно большую часть материалов ополоснуть в воде, чтобы наделить их правильной энергией.

Из всех доступных в монастыре источников воды Ломэхонгва выбирает подземное озеро в пещере. Там, помимо чистой воды, ещё отчётливо ощущается густая энергия земли, которая защитному амулету пойдет только на пользу. Ломэхонгва вместе со всеми собранными вещами усаживается в дальнем зале, кладёт захваченный с собой фонарик на берег и в луче его света начинает осторожно полоскать ивовые прутья — начать с них как с самого лёгкого, дальше будет позакковыристее.

Анастасия Полякова

Вообще-то, ещё утром Настя и не думала о том, чтобы тащиться куда-нибудь в пещеру. Она собиралась спокойно посидеть где-нибудь в укромном уголке, листая справочник по лекарственным травам или рисуя. Однако не прошло и часа, как ей это надоело. Потом девушка подумывала пойти в лазарет: мало ли, вдруг потребуется её помощь. Однако в этот раз ничего такого не требовалось: запасов хватало, лекарей - тоже.

И тут Настя вспомнила прочитанную незадолго до отъезда в Линь Ян Шо статью, в которой один именитый учёный писал, что растущие в пещерах растения полностью теряют хлорофилл, а их свойства кардинально меняются. Конечно, найти хоть какую-то растительность можно было далеко не в каждой пещере, но ведь это Линь Ян Шо. Здесь люди землёй управляют, и кто знает, как их магия могла подействовать на окружающую их среду. Воодушевленная, Настя направилась к ближайшей пещере.

Неприятности начались почти сразу. Сначала Настя забыла куртку, и ей пришлось разворачиваться на полпути и возвращаться в комнату. Уже почти у входа в пещеру Настя вспомнила, что не взяла с собой ни факела, ни фонарика, но снова возвращаться в комнату ей не хотелось, и на возможные неудобства девушка махнула рукой.

Если поначалу дорогу Насте освещали солнечные лучи, то постепенно стало темнеть, и в следующем зале девушка едва могла различить дорогу. Через какое-то время она заметила отголосок света вдалеке, и целенаправленно пошла к нему. Остановившись неподалёку от перехода в следующий зал, Настя закрыла глаза и сосредоточилась, вспоминая недавно пройденный мастер-класс по ментальной магии. Синий вихрь Аджны, сначала мелкий, постепенно увеличивается, охватывая всю пещеру. Да, где-то в этом зале есть человек, но судя по цветам в ауре, угрозы он не представляет. По крайней мере, сейчас.

Настя открыла глаза и подошла ближе. У самого края подземного озера, в свете фонаря, черноволосая девушка 16-18 лет омывала в воде какие-то прутья. Настя осторожно сделала шаг, желая поближе рассмотреть незнакомку, и в тот же миг, поскользнувшись, рухнула на камни, выронив сумку из рук.

Ломэхонгва

Ивовые прутья полощутся в воде легко, гибко, на них постепенно размягчается верхний слой коры, и Ломэхонгва безжалостно его обдирает и отскабливает — ловец снов должен быть красивым и гладким, с него не должна старая, из прежней жизни кожа свисать лохмотьями. Следом приходит черёд перьев. Они не такие отзывчиво удобные, как прутья, их полоскать придётся аккуратно, а после ещё и сушить, и тоже аккуратно, чтобы не испортить, не быть вынужденной собирать их по новой. Индеанка окунает перья в воду, бережно поводит ими из стороны в сторону, чтобы вода охватила и омыла каждую перепонку, не оставив незамеченной ни одну, — а дальше уже и переходить бы к бусинам, что, пожалуй, требует наибольшего внимания, как вдруг Ломэхонгва слышит в пещере шаги.

Индеанка выпрямляется, держа горсть бусин в кулаке, и чутко вслушивается в темноту пещеры, совершенно забыв о том, что у неё есть фонарик и можно встретить им неожиданных гостей. А когда вспоминает, исправляться поздно: шаги звучат уже вот прямо здесь, совсем рядом, а потом Ломэхонгва слышит шум и что-то вроде стука костей по камням. Фонарик всё так же остаётся на берегу, а Ломэхонгва, глаза которой постепенно привыкают к темноте, шагает вглубь пещеры. И находит там растянувшуюся на камнях девушку, немногим старше самой индеанки.

— Ушиблась? - заботливо спрашивает Ломэхонгва и присаживается рядом на корточки. О каменный пол пещеры легче лёгкого в кровь стесать колени и руки, поэтому следом девушка немедленно уточняет: — Не поранилась? — И, не боясь показаться навязчивой, предлагает: — Давай помогу подняться. — Ломэхонгве кажется, если это она излишне старается, так незнакомка просто откажется от её помощи, вот и всё, ничего страшного или сложного.

Анастасия Полякова

Сбить в кровь локоть - вовсе не то, о чем мечтала Настя, залезая в эту трижды клятую пещеру. Однако она вовремя уклонилась, и не сломала себе нос или челюсть, и это уже было причиной для хорошего настроения. Настя весело улыбнулась подошедшей девушке.

- Я в порядке, - оглядела себя, кровоточащий локоть, порванный рукав и добавила: - Относительно. Но зато я все ещё жива, и не калека! - радостно провозгласила она, неизвестные ей в китайском слова произнося по-английски.

Настя ещё более радостно приняла протянутую руку и поднялась. После чего провела рукой по локтю. Сине-голубые искорки окутали рану, убирая боль, а затем на смену им пришли алые всполохи, и в считанные мгновения порез затянулся. Еще одна синяя искорка мелькнула на прощание, убирая след от раны. И только тут Настя поняла, что буквально минутой ранее она фактически следила за своей неожиданной помощницей.

- Спасибо, - смущённо рассмеялась Настя, неловкими движениями поправляя сбившуюся одежду и надеясь, что незнакомка её слежки все же не заметила.

Ломэхонгва

В жизнерадостное заявление девушки о том, что она в порядке, Ломэхонгва не слишком-то верит — невозможно проехать локтями и коленями по камням и остаться в *полном* порядке. Уж как минимум придётся отделаться синяками да ссадинами, это индеанка знает на собственном опыте. Но для незнакомой девушки это, видимо, какая-то допустимая степень *непорядка*. Которая означает, что её кожа и ранимая плоть пострадали не так уж сильно и что нет нужды скорее провожать её в лазарет.

— Но ведь у тебя рука болит, — мягко возражает Ломэхонгва, стараясь не показаться навязчивой или, хуже того, невежливой. Она чувствует это в тот момент, когда незнакомка касается её протянутой руки: собственное тело вдруг становится легче, словно теряется, словно уже не так уж и принадлежит индеанке, а потом Ломэхонгва сквозь охватившее её лёгкое онемение чувствует, как в локоть тупыми зубами вгрызается назойливая боль, скребёт и выщипывает. Это, безусловно, не перелом или вывих, с которым нужно мчаться к мастерам, но тоже приятного мало. Ломэхонгва зябко поводит плечами, пытаясь стряхнуть оцепенение, растекающееся от макушки, от восторженно вспыхнувшей фиолетовой чакры, и жалеет, что никак не умеет даже с мелкими травмами совладать.

А потом девушка исцеляет себя одним лёгким прикосновением пальцев, и индеанка испытывает сложное смятение, кажется, даже немного похожее на зависть.

— Ты целитель? — спрашивает Ломэхонгва с отчётливым восторженным придыханием. Целители кажутся ей невероятными, непостижимыми людьми, в первую очередь потому, что индеанка сама не в состоянии постигнуть тонкую науку врачевания даже на самых первых её этапах. На полу Ломэхонгва замечает сумку — которая явно ей не принадлежит, а значит, её обронила незнакомая ученица — поднимает её и протягивает незнакомке. Это, кажется ей, очень правильный и дружелюбный жест — хотя вообще-то Ломэхонгве страшно неловко, что она трогает

чужие вещи без разрешения и всё такое прочее.

Анастасия Полякова

Есть люди, которые очень падки на лесть. Ты делаешь им комплименты, и они тут же готовы провозгласить тебя за это лучшим другом. Главное - чтобы ты и дальше их хвалил. А вот Настя была падка на заботу. Отчасти потому, что до сих пор вела себя, как ребёнок, и искренне считала, что 18 лет - это ещё детство. А отчасти потому, что любому животному нужны забота и ласка, и человек - не исключение.

Поэтому-то на слова незнакомки Настя тепло улыбнулась и сказала:

- Да у меня постоянно что-нибудь болит. Я вообще жутко неуклюжая. Кстати, я Настя. Анастасия, - поправляется девушка. - Но лучше просто Настя, - качает она головой. - А ты?

Неприкрытое восхищение незнакомки теплом разливается в груди. Не так уж много на свете людей, которые считают её способности чем-то стоящим и достойным такого внимания. В конце концов, в Линь Ян Шо много врачей гораздо более высокого уровня, и Насте до них ещё топать и топать.

- Да, целитель, - отвечает шатенка, больше для pro forma, потому что все и так понятно. - Хотя мне привычнее название "врачеватель". А ты ведь тоже что-то такое умеешь, магическое, - Настя не спрашивает, утверждает. - Я по твоей ауре вижу. Ты только что использовала фиолетовую чакру, Сахасрару. Кажется, она так называется.

- О! Моя сумка, спасибо, - поспешно благодарит она, принимая свои вещи. И тут же проверяет: справочник, скетчбук, ручка, блокнот, платок, бумажные пакетики и одолженный у завхоза ножичек. - Вроде, ничего не потеряла, все на месте.

Ломэхонгва

— В темноте не неуклюжи только кошки, — коряво возражает Ломэхонгва. Смысл её неловкого возражения далеко не очевиден, но индеанка пытается этой фразой выразить: нет ничего неуклюжего или постыдного в том, что там, где от глаз нет помощи, ноги не справились на ощупь. Ломэхонгва сама, пусть и шла с фонариком, и то опасалась споткнуться, и каждый шаг тревожно выщупывала в темноте. Поэтому случившуюся с Настей неприятность девушка чем-то позорным не считает. Досадным — да, но не позорным.

Настя — имя нежное, как прикосновение к щеке мягкой кошачьей лапки. И ничуть не теряет этой мягкости, превращаясь в полной своей форме в прекрасный горделивый изгиб: Анастасия.

— Настя. У тебя замечательное имя, — серьёзно говорит индеанка прежде, чем представиться самой: — Я Ломэхонгва, — и на контрасте ей кажется, что её имя тяжело грохочет, как рокот камней в ущелье. Оно длинное, оно для любого языка непривычное и заковыристое и оно совершенно не имеет ни одного сокращения, которое стало бы правильным и прижилось бы. Ломэхонгва неловко добавляет: — Значит: "облако", — хотя ни для кого в монастыре, кажется, это знание ещё полезным не стало.

Поправку "не целитель, а врачеватель" Ломэхонгва принимает и кивает со всей

ответственностью. Она любит обращаться со словами аккуратно, и она чувствует, что между целителем и врачом есть разница, трудноуловимая, но всё же разница. Индеанка машинально поднимает руку к голове, где от макушки до сих пор разливается лёгкое, потустороннее почти онемение, и подтверждает: — Фиолетовая, точно. Только не совсем я и не совсем использовала. Я шаман. И иногда мои способности работают помимо моей воли, — успевает объяснить Ломэхонгва за секунду до того, как спохватывается: — Ты, наверное, по делу пришла? Я отвлекаю тебя?

Ясно же, что по делу. Ломэхонгва вот только что передавала Насте сумку, и ещё чувствует на кончиках пальцев её внушительный вес, и твёрдо убеждена, что с такой сумкой праздношататься не ходят.

Анастасия Полякова

- Да я везде неуклюжа, - улыбнулась Настя, потирая локоть. - Что ни день, то новое "ранение".

И это действительно было так. Не проходило и суток, чтобы девушка не споткнулась, обожглась, ударилась... Сестренку это веселило, а родители устало качали головой и с улыбкой помогали разобраться с очередной травмой. Настя подумывала заняться каким-нибудь видом спорта, чтобы улучшить равновесие и не спотыкаться у каждого порога, но сначала помешали пробудившиеся способности, а затем и отбытие в Линь Ян Шо, где большинство усилий девушка решила направить на изучение врачевания. Конечно, можно было пойти на занятия рукопашным боем или овладеть каким-либо оружием, но даже в мыслях шатенка представить такого не могла. Ей совершенно не хотелось овладевать навыком, который может причинить кому-то вред, так что идея с занятиями спортом временно заглохла. Врачевание поглотило девушку целиком и полностью.

- Спасибо, - кивает Настя на слова Ломэхонгвы. Ей даже не нужно смотреть на ауру или считывать поверхностные мысли, чтобы понять: это не лесть, и её новая знакомая говорит искренне. - У тебя тоже. Хотя у меня оно ассоциируется больше не с облаком, а с горным кряжем, укрытым облаками, - Настя вообще очень многое воспринимает больше не словами, а образами. Та же Яреци у неё ассоциируется с весной и цветущим садом, пробудившейся ото сна природой. А Эстер - это тёплые рыжие краски закатного неба.

- Если честно, вервые вижу шамана и - ты только не обижайся, - а вы правда носитесь с бубнами вокруг костра, распевая какие-то странные песни низким голосом? - полюбопытствовала Настя, поправляя рукав и неловко улыбаясь. Вот вечно так, сначала скажет - потом подумает.

- Нет, что ты, совсем не отвлекаешь! Скорее уж, это я тебя отвлекаю, - взглянула на прутья девушка. - А я больше от нечего делать сюда пришла. Подумала на пещерные растения взглянуть, поизучать даже, раз уж заняться больше нечем. А ты что делаешь?

Ломэхонгва

— Быть может, и горы, — настороженно отвечает Ломэхонгва. Ей в этот миг кажется, что Настя небрежно, с одного взгляда угадывает в индеанке магию Земли.

Пусть пока слабо изученную, пусть едва пробудившуюся, всё ещё больше похожую на нежный росток, чем хотя бы на крепкий дуб, что уж там говорить о горах, но всё же. Ломэхонгва обдумывает это со всех сторон и наконец спрашивает: — Ты видишь будущее?

Или не обязательно. Или это просто невероятная наблюдательность (хотя, в темноте-то?) и отточенная, бритвенно острая, чуткая интуиция вместе складываются в подобную догадливость.

Про шаманов Ломэхонгва с некоторых пор может рассказать крайне мало — она помнит групповое занятие в беседке и помнит, какое изумление она с него вынесла. Девушки были все разные, ужасно разные, и каждая понимала и трактовала магию на свой лад, каждая обращалась к духам и добивалась успеха по-своему. Некоторые вполне откровенно совершали действия, причины которых индеанке были откровенно непонятны, непонятны и сейчас. И как только сифу Лариса с ними со всеми справлялась и всех их загоняла в единое нужное русло, это уму непостижимо. Ломэхонгва же с тех самых пор чётко понимает, что не имеет ни малейшего права говорить за всех, а потому осторожно отвечает: — Кто-то, может, и носится. Не знаю. Я — нет. Это, наверное, в большей степени зависит от тебя самой, — медленно выводит индеанка. — Если ты искренняя до края и протянутая в небо только когда поёшь хриплую песню — значит, придётся петь.

После этого вопрос про "кто что делает" лёгкий настолько, что отвечать на него становится одним сплошным удовольствием. Ломэхонгва почти радостно признаётся: — Я готовлю ловца снов! — и даже приглашает:, — Хочешь посмотреть? — Хотя смотреть в разрозненных ветках и бусинах пока откровенно не на что.

Анастасия Полякова

- А ты собираешься идти в горы? - растерянно спрашивает Настя, не в силах понять, откуда возникло столь неожиданное предположение. Может, и был тот небольшой миг, когда видение будущего казалось просто шикарной способностью, но в последнее время она просто до ужаса боится, что может там увидеть.

- То есть, у каждого шамана свои уникальные методики, да? - уточняет Настя, желая до конца разобраться в вопросе, чтобы не щеголять и дальше с белыми дырами в этой области знаний. - Что, впрочем, логично, учитывая то, что общается каждый из них с разными духами и к разным духам нужен разный подход. То, что подойдёт Локи, не подойдёт Кетцалькоатлю.

А вот изготовление ловца снов всерьёз её заинтересовывает, и девушка мигом выпаливает:

- Конечно, с радостью посмотрю! А меня научишь?

И тут же прикусывает язык. Ну вот что у неё за манера такая - наживаться на возможных друзьях, от каждого требуя её чему-то научить!? Словно им и заняться больше нечем, кроме как возиться с непонятной русской девушкой. Поэтому Настя тут же вскидывает руки, стараясь извиниться.

- Прости, я временами не очень... - Настя замолкает, тщетно стараясь подобрать

подходящее слово: вежлива, тактична... разумна!? - Не очень сдержанна, - наконец выбирает что-то более-менее нейтральное. - Но мне правда интересно, и я с радостью посмотрю за изготовлением ловца снов.
